

Алексей Левшин

По ту
сторону
снега

Алексей Михайлович Левшин

По ту сторону снега

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64420932

*По ту сторону снега:
ISBN 978-5-00165-267-0*

Аннотация

Эту книгу можно считать историей, чей сюжет скроен из моментов человеческой жизни. Она началась в конце двадцатого века и продлилась до первого десятилетия двадцать первого. Ее можно считать лирическим дневником. Где-то это встречи, моменты жизни. Где-то это сны. При чтении этой книги путешествие может быть совершено за неделю или за год или за десять лет – все зависит от настроения вашего воображения. Герой этой книги тот, кто ее читает. Он и совершает движение по меридианам и параллелям сна и яви. Он и пересекает температурную ось между Западной Европой и Россией сначала в одну сторону, а после в другую... Доброго путешествия!

Содержание

Первый день. Питер	6
«Вот Петербурга каменные доски...»	6
Гордячка-вертикаль	7
Заря	8
«Немая нынче выдалась зима...»	9
«Бреду вдоль жизни...»	10
День второй. Пересечение температурной оси	11
«Лес мчится, шалея от травы фабричной...»	11
«Леса нетленные виднелись за рекой...»	14
«Как дачи, позлащенные...»	15
День второй. Поминальная	16
Первая элегия	16
Вторая элегия	17
Памяти Геннадия Опоркова	19
«Туман не спадал с мочажины...»	20
День третий. Первые воспоминания	21
Новгородская	21
Моя Новгородская	22
Омск	24
«Ну, как избыть мне реквием зимы...»	25
Четвертый день. Образы за стеклом	26
Булгаков без нас	26
Дудочка	28

Гейне	30
Четвертый день. Пробуждение. Осень	32
«Киев-город, кому ты ворог...»	32
«Оптический обман...»	33
Осень	34
Осень-Евпраксия	36
Четвертый день. Угол улицы в Европе	37
«Небо, тыльное небо...»	37
«Два ангела с рисунка Леонардо...»	38
Болтовня Франсуа Вийона	39
Галилей	42
День четвертый. Опять осень	45
Осень насквозь	45
День четвертый. Зима	47
«Ну что, беспризорник Петрарка...»	47
«На все есть душевная лепта...»	48
«Соловьинной печали ясна причина...»	49
Три маленьких элегии	50
«Больно стискивать руку – хуже:	53
человека...»	
«Мы с дедушкой часто гуляли вдоль	54
кресел...»	
«Не надо желать лихолетья...»	55
День пятый. Раннее утро. Узоры прошлого	56
Прощание с тем веком	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Михайлович Левшин По ту сторону снега

*Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем,
(Хотя у многих стих не вовсе гладок);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав – уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю —
Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных строф
Златое время... в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.*

М.Ю. Лермонтов

*Мой дорогой читатель даровой!
С тобою мы друг другу не обязаны.*

*Читай все то, что здесь со мной
Так крепко связано. Ну а с тобой – ни разу ли?*

Автор

© А. М. Левшин, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Первый день. Питер

«Вот Петербурга каменные доски...»

Вот Петербурга каменные доски.
Петру уже не разобраться в них.
Мы этих площадей недавние подростки
На этих мыслях дрожжевых.

Ах, Питер, вислоухий обормот,
Своей тоски он не узнал вначале!
Он принял будто бы ее за черный ход,
Где вскользь его на чьих-то поминали
Похоронах, воды набравши в рот.

Гордячка-вертикаль

Про улиц мокрые меха и про гранитный терем,
Про тех, кто знал в лицо гордячку-вертикаль,
Я расскажу тебе. И нас собор согреет.
Такая жизнь у нас: собор, сугроб, строка.

Зима ревнива. Это худо. Беглый ангел
Здесь не сберег себя, кровь остудив снежком.
Он силой обладал любви и хулиганства,
Божественной – как раз – по-райски, прямоком!

Он на снегу лежит. Но мы его не видим.
И до сих пор над ним стоит Данзас.
И до сих пор он говорит: «Простите,
Я вас любил, как мог. Как мог, любил всех вас.»

Заря

Как зеркало,
С небес на нас заря.
Жить тяжело, и все кругом в осколках.
Душа – Земфира – до тех пор, пока не зря
Бумага марана, и казни помнят елки.

А кровь кауряя выходит из себя,
И зябкий мир своим теплом полощет.
У нас навалом этого добра.
Верней сказать, у нас его колодцы!

Заря торопится, не знает, как ей быть:
Залить все разом или краешек оставить
Подушки, поперек которой спит
Младенец. Он теперь ее прославит.

«Немая нынче выдалась зима...»

Немая нынче выдалась зима.

И льдом подернуты, что паранджой, подъезды.

И ей глядеть в глаза, как страннице нельзя.

А дела удивительная бездна!

«Бреду вдоль жизни...»

Бреду вдоль жизни
Вашей, тополя,
Что к пятнице мне кажется распятыми,
Ничейный госпиталь, увечная семья,
С пасхальными в махорке арестантами,
И ты, что конопатая сперва,
Веселая, безумная, проклятая.
Там кто-то «Русь» сказал.
Не то. Плотва,
Тмутаракань
И молодость моя – ты.

День второй. Пересечение температурной оси

«Лес мчится, шалея от травли фабричной...»

Лес мчится, шалея от травли фабричной
Коричневой далью —
От этой росистой и мглистой и клятвопреступной
отчизны,
Где рос он, где мы выросли с заложенной в сердце
печалью,
Что будет нам некуда деться, как только впотьмах
очутиться.

За поручень корабельный – а где это, кто это?
Иденом, Грином, Гарольдом —
Да нет, безобидною... праздничной молью —
Туда за любовь – за отчизну —
Туда и учиться, учиться.

В ту сторону быстро летят самолеты.
Назад – обрывая в душе бахрому.
Там Оксфорд, Сорбонна, соборы и как сердобольно

Вздыхает душа по тебе ж самому!

Прощайся с подушечным ласковым миром,
С твоим подростковым веселым житьем.
Зачем нужно было таким фуаграшным лавиром
Себя предложить чистоганом, наложенным платежом?

Но только твой шарабанский лепет
Не треба здесь, а и нам не любо.
Париж свой нагретый вершит трафаретец,
В который не влезут никак сираношные губы.

Но только ты мне объясни,
Что ж я ходил Плантагенетом?
Зачем я восхищался светом,
Добытым Вильямом в пути?

Стихов рассеянный раствор
Я принимал с утра поране.
Зачем Цветаева, Ван-Гог
И Алигьери с Модильяни?
Какой быть может разговор!
Я никому здесь не помог —
И поздно – нет на свете Жанны.

И понимаю, что одно
Могло лишь быть мне примененье.
Но триста с чем-то лет, давно
Уже придумано оно:

Так значит, жил в одном селеньи...

«Леса нетленные виднелись за рекой...»

Леса нетленные виднелись за рекой
То плыли медленно, то гасли непрерывно.
Даль шурилась на шорох за спиной,
На тень сугроба и рожденья холод зимний.

За притолкой речною, подо мной
Проходит смерти перекресток лыжный.
Да, я подрос. Но ты растешь со мной
В моей расстегнутой на все невзгоды жизни.

«Как дачи, позлащенные...»

Как дачи, позлащенные
В полсолнца, в пол-олифы,
Я первый поименно,
Коль впрямь по алфавиту.
Ходил по Красной коннице.
По Синему по мосту.
Мою физиономию
Ищите вы по росту.

Вот здесь стоял всегда вверху,
А здесь – ноблесс облич —
Сидел на корточках внизу
У женских ног. А после был Париж.

День второй. Поминальная

Первая элегия

И вот и день, брусничный день вставал.
И осень вширь, как на сносях, раздалась.
Россия, смыв с себя татар,
Старообрядческой улыбкой улыбалась.

По темным рытвинам просроченной земли,
По темным вывихам, ухабинам, по темным
Дождями смазанным, от горя вероломным
Полозья Русь по шороху несли.

Смотри, какой огромный этот шорох!
Он скит, туман и ряска для души.
От шамкающих на бегу просторов
Полоски сонные мне по лицу прошли.

У нас здесь рек, ты знаешь, в изобилии!
Вот только их не видно ни души.
А мой народ, наверно, обессилил.
И осень где-то вязнет, по грудки.

Вторая элегия

А если нам так страшно стало жить
(Ах, гораздо страшней почему-то,
чем умереть), то это на время,
Которое нужно нам для возвращения
В темные, выросшие промежутки
Меж нами и теми, с кем
Почти что вчера расстались.

Сосны расставлены реже, чем, людям, прищурившись,
кажется.
Ты можешь приникнуть щекою к ним, как к изголовью.
Сердце забьется в виске, как в ручье,
И по горло в судьбе забарахтаются товарищи...

Без нашивки, пометки
Кровь по воздуху мчит.
Видно, как лес умирает
Из-за обугленных дач.

Привкус хвои и пятна крови чувствую на языке;
Но назад нет дороги, ведь свобод не бывает
У пришлых.
Я разыскивал образ надежды;
Мне нужны были сосны,
мне нужна их горячая преданность,

телосложение я различал болезненное,
Будто эта лесная богиня была петроградская медсестра...

С радостным горем свободы
Поднимается сердце в гору.

Что это в сущности и кому мы нужны,
Горделивые горемыки, вечно теряющие
то, что нам вечно дается?..
Быт чуть меняется, остается
Холодноватая кромка вины....

Я в темноте люблю говорить обо всем,
Что приходит мне в голову.
Но мне кажется, что я больше всего боюсь очутиться
Один, без любви вокруг.
Путь дальний, путь срочный, путь емкий —
Страх плачет в лесу перепелкой.

И пусть неровен, неправилен светлый мой путь,
Он все же от злобы путь в чью-нибудь прямо грудь —
Упрямо.

Памяти Геннадия Опоркова

Я видел твой раскрытый гроб.
А над тобой шел панихиды ливень.
Ты крепко спал, и твой холодный лоб
Поцеловав, я сердцем стал счастливей.

И вдруг во мне родилось немыслимое счастье,
Потом писал о нем, вздымался воздух-хвоя
Писал о том, что мне хотелось за тобою
Уйти туда, куда ты уходил.

Мне это счастье сложно было унести
И я за монтировочной тележкой
С себя свалил его. Но, слезы проглотив,
Так и не свыкнувшись с горчащим словом «папа»,
Мне кажется, что я куда-то плыл...

Я вышел, а навстречу мне
Жизнь вышла, в переполненной горсти
Держа дождя простой и рыбный запах
И лип ковши, и мокрую одежду,
В которой тело вдруг задумало расти.

«Туман не спадал с мочажины...»

Туман не спадал с мочажины,
А я улыбался во сне.
Мне снилась дорога на Сызрань
И упряжь по вожжи в росе.

Не вспомнить мне всех околесиц,
Что листья вразбивку несли,
Как в сердце ударился месяц,
Как реки изнемогли

Меня дожидаться и прятать
Свою про запас синеву.
Меня им хотелось сосватать
К одной сероглазой. Погибшей лет семь как,
в такую же точно весну.

День третий. Первые воспоминания

Новгородская

За окном голосок.

Руки как будто бы только что убраны с шеи.

Шея – с креста. У нас дома всегда хотели,

Чтобы вышел из мальчика толк,

Блеск и шелк.

Только в наши две комнаты, перегородкой

Превращенные в три, никогда не входил Христос,

Ноги босые, в грязи и в осоке,

Как будто бы шел по болоту.

И вырос, пока дошел.

Моя Новгородская

Моя Новгородская улица!

Моя новогоркляя, моя новогодняя,

С упряжкой колонн на углу.

Колонны да слезы.

С верхов капители, с низов – канители.

Трамвай, так похожий на вехи речного обоза,

Плывущий во мглу

И из мглы выплывавший – к у т р у.

Моя Новгородская улица!

Моя половодница, моя полоумница!

Кормилица образов, крепнущих в звонкой сумятице,

В сутолке, смятке и чечевице дней.

Окно потеплело: я вижу любимые лица,

Прабабушки Маленькой вечный обед,

И стирку, и добрые руки,

И тех, кто без нас с тобой, мама, однажды

На тот отправился свет.

Нет, в мире моем ничего нет чудесного,

Разве что вспомнившийся разговор.

Нет, в мире моем ничего нет особенного:

Потери да междуусобицы.

В семье это как-то безумно заметно.

На свалке качается рыжая дверца:
Вот все, что осталось от шкафа,
От взбалмошной нашей, громоздкой
Насупленной Новгородской.

А сердце дрожит ползунком,
То наверх, то как-то
Неосторожно, куда-то...

Омск

Здесь, в дебрях низенькой провинции,
Где люди ласковы, а, кажется, грубы,
Заемствуем, мой друг единственный,
Вовсю заемствуем любви.

Не разыскать мне пальцы в варежке,
Замерзших губ не разлепить!
А этот вот простор икающий
Мы будем санками лечить.

Я эту вот сметану снежную
Марал и комкал, Бог простит!
Из этой вот я вырос нежности.
А новой так и не достиг...

Ты подарил мне ослепительный,
В поправках белых и слепых,
В отеках памяти пронзительной,
Омытый Омкой мой родной язык.

«Ну, как избыть мне реквием зимы...»

Ну, как избыть мне реквием зимы
С растерянным в ее нутре ребенком,
Который в варежку со снегом комья тьмы
Кладет горстями. Вырастет девчонкой.

Четвертый день. Образы за стеклом

Булгаков без нас

Пока за призрачным событием
Спешит растроганный народ,
Привет тебе, столичный житель,
Невзрачных деятель забот.

Глядя на улицу Тверскую.
Мороза ком глотаю я.
Так, значит, Боже, вот такую
Ты землю выдумал, творя?

Пойдешь направо, и цесарку
В дубленке маминой спугнешь.
«Вас всех уволят» ворон гаркнул.
И неизменная кухарка
На всю столицу варит борщ.

Все это, милый мой читатель,
Петлистый коридор Москвы,
В котором я, как вы, петлятель

И наблюдатель, как и вы.

Здесь все всегда на честном слове
И все мучительно всерьез.
У мокрых подворотен, что ли,
Просить подмоги наперед?

Раз все всерьез, так значит крышка.
Москва играет в кошки-мышки
С тем, кто и думает-то слишком,
А после сам себя берет

В охапку и все пишет, пишет.
Чего, никто не разберет.
Кого-то в сон смертельный клонит.
Кому-то очи ест до слез.

Здесь некогда живал писатель,
Он шубы длиной не носил.
Но знал, что надо улыбаться.
Что было сил, что было сил.

И так всю жизнь на этой силе,
По пояс уходя во тьму,
Он выплывал, читатель милый,
И было весело ему!

Дудочка

Продеть бы дудочку
В ушко той улочки
И продудеть на ней всю жизнь,
Обрыскать с нею закоулочки
И тихоходную теплынь.

Сыграть тишком про то, как тризною,
Квартиросъемщики судьбы,
Справляли мы свою непризнанность
И невозбранность, стало быть.

А если нам потом покажется,
Что наша песня невпопад,
Что попадали всюду катыши
Ненужных скомканных бумаг —

Что ж, значит так тому и быть,
Хозяюшка-судьба!
Ведь невозможно песнь сложить,
Не положив себя.

Ты видишь, мама, пальцев пять
И здесь таких же пять:
Они могли б возвесть Гелати,
Кого-нибудь еще обнять бы,

А им одно: пропасть!

Они б могли еще одну
Поэму песен в семь.
Но, впрочем, что это, кому?
И так полно поэм!

И тарабанили в стекло,
и брались за мундштук,
За скрипку брались, за перо
И тыкали в Машук.

Дрожали и сжимали вдруг
Просторный край стола.
А за спиной прохожий друг,
А в голове опять Машук
и звуки без числа.

Душ из черешен и чернил.
Машук чернел, дождь лил весь день.
Лежал убитый Михаил,
Еще молоденький совсем.

Спой, дудочка, о рае нам,
О нашем сердце раненом.

Гейне

Что там за шепот?
За пропасть, за оползень?
Детской простуде скончания нет.
Нет чтобы крикнуть: «немедленно! Воздуху!»
Легких не хватает. Не тот континент.

Что ж ты хотел?
Умирать научись.
В мякише снега
Тонет столица

Это все лица да лица да лица,
Это все Богом прикрытая жизнь.

Нежный болтун, стрекотун и охальник!
Хочешь я сказку тебе расскажу?
Жил-был на свете старик-полумальчик —
Полустарик. Полужизнь-полужуть.

Хочешь другую: там дело в вязаньи,
Из-за вязанья все дело пошло.
Кто-то связал этот дом, где лобзанье
И предсказанье слилися в одно.

Хочешь? Но сказки топорщится негус,

Будто бы страха клеенчатый пол
Стал под ногами ходить. И отведасть
Страшно душе кареглазых крамол.

В зубьях застрянет все та же мякина,
Та, из которой и ныне творим.
Тени немножко и фурацелина,
В детстве казавшегося неживым.

Что за борщец нашей осени славной!
С краешку залпом его отхлебни:
Хвойная шуба и город неглавный
Или подобие легкой земли.

Той да не той же, в которую ляжем —
Той, на которой родился вчера.
И продирается в крап экипажей
Воздух, да вот он, скорее, пора!

Четвертый день. Пробуждение. Осень

«Киев-город, кому ты враг...»

Киев-город, кому ты враг?
Не кивай ты мне на ходу.
Слишком пепельный ты и сливовый,
От рассказов таешь во рту.

«Оптический обман...»

Оптический обман
И страшный сон душевный,
И правая рука
Соседа на груди
Как будто у меня.
И алый смрад харчевни.
Падучая, стряпня
Да Брейгеля мазня.

Осень

Со всех концов был город подожжен.
Шутила осень. Весен родственница,
Но из очень дальних.
Был ею бурый Кремль учрежден
И желтым подчинен опочивальням.

Я с нею был. Я был в ее рядах!
И, лишь блеснул в ночи форпост печальный,
В моей душе внезапно вырос страх.
И трясся я, как пес на мыловарне.

И понял я, чем нас она взяла:
Огнем горячим труб и губ горячих,
Который лился с веток на ура
И множество нам обещал подачек.

Я не мечтал об этом никогда.
Но я хотел, чтоб были счастливы другие.
И радостно, не ведая стыда,
Я в небо запрокидывал Россию!

Я клал ее к пылающим ногам
Понурой Софьи, злой Екатерины.
А галки в небе затевали гам,
Как будто без особенной причины.

Теперь все кончено. Отцарствовали обе.
Одну громадный братец потеснил,
Вторая – из последних сил —
Мне улыбалась ласково во гробе.

Околыш леса у меня на лбу,
И я не знаю, за кого воюю.
А та, что улыбалася в гробу,
Нам дочку выслала свою родную.

Я на нее гляжу: бела как мать,
Краснеет больше, меньше веселится.
И я готов опять принять обет
И за нее опять до смерти биться.

Осень-Евпраксия

Я не знаю, кому быть горше,
мне ли, осени? Я грешу
На ее даровую гордость.
Слишком корчит она княжну.

Но спасибо все же, спасибо,
Что с какого-то сентября
Воскресила ты Евпраксию
Почерневшего злого дня!

Только та была простоволоса,
когда сбросилась с башни в свет!
И она на тебя похожа,
ну а ты на нее – уже нет.

НЕУЖЕЛИ КОГО-ТО УЧИТ
ГЛУБЬ РУМЯНАЯ, НАРОЧЬ ЩЕК?
А по мне, это свищет участь,
Участь ищет: кого б еще?

Четвертый день. Угол улицы в Европе

«Небо, тыльное небо...»

Небо, тыльное небо!
Это тыльное небо ладони.
Зелень, поздняя зелень,
Старая Пьяцца. Рыжая грусть,
Что тебя никогда, никогда уже больше
во сне не увижу,
Моя поздняя зелень Италии,
Я тебя не увижу, клянусь!

Кто мигнул мне?
Конечно, Торквато.
Зорким Осипом, на небо взятый.
И заплевана грязная пьяцца.
И особенно нечего клясться.
Кто-то лестницу Якова чистит.
И стирает кровавый виссон.

«Два ангела с рисунка Леонардо...»

Два ангела с рисунка Леонардо.
Бумажная висит за ними высь.
И черный блеск кривой дороги царской.
Я это выдумал. И вот прошу тебя,
Прошу тебя, мой вымысел, держись!

Кровь – черная икра в посудине подъезда.
И хорошо, когда есть дача, вместо
Вот этой каменной махины, хорошо!
Жизнь ходит, есть здесь не за что цепляться,
Ну разве кроме двух названий итальянских,
Maestro del... и что-то там еще.

Болтовня Франсуа Вийона

Когда твои уши гудят с недосыпу,
И воздух повсюду, как просо, просыпан,
Свеча средь потемок свернется в огарок...
Вглядимся, потомок,
в мой мир без помарок.

Вот готика комнат, тебе не знакомых,
И вряд ли ты сможешь сказать, что мы дома...
Ты можешь мой мир с перепугу разбавить
И камфору с теплой фуфайкой прибавить.

Там, в этой фуфайке – отсутствие солей.
А, кстати, немало нас в тюрьмах мусолят.
Глядишь, и сотрусь! На рассвете синица.
Держите, лишенцы! Вот вам она в лицах,
История самого крупного горя,
Какое случилось на суше и море!

Случалось на суше.
Развесили уши!
Каплун без подливки, что может быть хуже!
Грибы без заправки, что может быть гаже!

Я все, что назначено жизнью в пропаже:
Пропало, что было,

Что в шею дышало,
Что тайно, случайно мне в сердце стучало
И дальше... а дальше пропащее дело —
Я все разыщу! Чай, вьюнок – не дебелий!

Прошу подождать! Я ведь с детства был юркий.
Привык подбирать... Клички, рифмы, окурки.
Привык. Вот словечко. Свернулось как кровь.
А там осторожную опись готовь...

Что б все по порядку:
Такому-то пятку,
Тому, что пожиже того —
Ничего.
Название... какое б... да хоть завещанье.
Ну что ж, завещанье...
На имя кого?

А дальше нахрапом, а дальше галопом —
О людях. О вас, господа остолопы!
О том, что вы мне второпях задолжали:
Немножко улыбки и множко печали.

И все же, что может сравниться с печалью...
О Боже, пишу... Боже правый, в ударе
Весь.
Здесь – от макушки
До сюда – до пятки!
Ко мне! Я пишу,

Я пишу вас, ребятки.

Но плачет девчонка, ах, плачет девчонка.
Душа к ней прижаться готова котенком,
К румянцу, который от горя стал слаще.
Нет, что-то случилось в четверг тот пропащий,
Когда я писать супротив колокольни
Усе лс я – и стало мне сладко и больно
С того, что никто за меня не рассказчик.
Тогда меня колокол вывел из чаши
Звучащей – и выдал конец! А теперь... край страницы,
За коим уже ничего не случится,
Где путь уже нежно блестит леденящий.

Прощайте! С рассказом расстанется мастер.
Останетесь вы, мой мудреный читатель!
За подлинность слова, бессменный ручатель!
За жизни ошибки последний предстатель,
С сего завещанья с лихвой получатель.
Владейте, читатель!

Галилей

Что ж, Галлилео! Ты расчистил место.
Ты музыку сознания превозмог.
Тебе чертовски было интересно.
Но выпит свет и вычерпан урок.

Вон выскочки, мохнатые от оспы,
От кислых запахов в консисторских углах,
Слезая с кресел, точно с козел, лезут в звезды,
И в них копаются, как в нечистотах детвора.

Засим и руки, не привыкшие к объятью,
Не доучившиеся ввысь взлетать,
Пора подальше спрятать и прижаться
Башкою к притолке, чтоб вслух не умолять.

Уже уходите? ...Она всегда уходит,
Она спешит, балует второпях.
И он устал выклянчивать свой полдник,
Как вечный школьник в драке сплывшую тетрадь.

Она всегда уходит, но, выходит,
Что лучше жить, давая кругалю, —
Жить ожиданьем, что она приходит,
Едва уйдя. Жить так же вот, кружа.

Кружились куры в полдень в воскресенье.
И брадобрей кружил над жирной бородой,
И вся Италия кружилась в отдаленны,
Которое душа зовет душой.

Один кулак по двери бил нещадно.
Другой, разжавшись в пятерню, его тащил
За локоть в консисторский зал прохладный.
Чего ты трехаешь? Ведь ты же отпустил

Ее, со всеми курами, дворами,
Собором кафедральным, фонарем
И макаронами, что, кстати, между нами
Мы до сих пор на вилку крутим, в честь нее...

Ее, ее с округлыми снегами
И с жаркими сугробами плеча.
С вот здесь внезапно закругленными ногами,
И с круглым небом в чаше круглого зрачка.

С водоворотом, хороводом, караваем,
С круговоротом, круговертью и еще
С ее рассеянными седоками,
По кругу мчащими – за ней и от нее.

От круглых дураков, от невозможных кружев,
Кружений вокруг да около, круглистых берегов
Всех круглых дней, недель, часов – всех кружек,
Всех круглых дат, округлых облаков.

Земля не вертится. Не круг она гончарный
Тебе! «Не вертится. А все-таки она...»
Он встал с колен. Неведомое счастье,
С горчащим привкусом в себя ее вгонять.

И возвращаясь к облаку испуга,
И вынимая голову из сна,
Он внятно вымолвил, опять припрятав руки:
«Нет, вы не знаете, а все-таки она...»

Да что она? И жареных барашков
Нещадный дух вдыхала вся страна.
И, подписавшись здесь в углу, бумаге бесшабашно
Он прошептал: «А все-таки она...»

Да что она! Уже никто не слышит.
Всем начихать, что все-таки она...
Она одна. Моей любовью дышит!

И мне в ответ все вертится она.

День четвертый. Опять осень

Осень насквозь

*Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.*

Осип Мандельштам

Ты помнишь, осень, век кровавый?
В него нельзя не завернуть.
Так движутся в лицо облаве
И ждут незримой пули в грудь!

– Зачем тебе нужна дорога,
Твоя кровавая земля?
– Мне хочется быть ближе к Богу.
Хоть дальше он теперь, чем я...

– А горечь этой правды жилистой,
Ее зеленая бадья,
В которой ты сумеешь вынести
Немного, коль спасешь себя?

И вот из Эрзерума прямо

На чернореченскую даль —
Залп, коего не доставало —
Залп совести и нежного стыда.

Забудь – по швам сосновый воздух
Искромсан.

– Губы взять по швам!

От лязга лобного допроса —
Очнись, пространство. Дай привал.

Вы вспомните Вторую Речку,
Сообщницы-тайги оскал.
Но в этом сне бесчеловечном
Я лучшей доли не искал.

И в белизне твоей бессрочной
Лишь я один повинен был.
...Кто говорил со мной воочью
И с кем я не договорил?..

А свист горошины свинцовой,
А вывих разнокрылых рук
В последний раз леса и вдовы
Как черный полдень – помянут.

День четвертый. Зима

«Ну что, беспризорник Петрарка...»

Ну что, беспризорник Петрарка?
Спросонья еще полгреха.
Сыра от признаний тетрадка.
Суша от рассвета рука.

Зима полушубком и чаркой
Лечила в пути жениха.
Случайно он с ней повстречался.
Припадок случился стиха.

О, Господи, значит, мы выжили!
О, небо, откуда ты выплыло?
В снегу вся Россия моя.

Вон церковь, а в церкви невеста.
Под руки берут – как чудесно!
Жених-то, выходит, что я.

«На все есть душевная лепта...»

На все есть душевная лепта.
Не ходит любовь налегке.
И что-то бессонница лепит,
Нащупавши в черновике.

Такую, такую же точно,
В оборках забот и потуг,
В сугробах затихших пророчеств,
Деревню вслепую и вслух.

На праздник. Ровесница, Муза!
Моя деревенька в ночи!
Во что превращаются узы?
В разводы, в вокзал, в недосып?

Однажды и мы соберемся.
И будет зима на дворе.
И только пространство вернется
Любить, договаривать, петь.

«Соловьиной печали ясна причина...»

Соловьиной печали ясна причина.
Но застыла твердь возле самых дверей.
Не узнаешь правду о самых сирых
На земле населенной всей.

Большеглазое сердце родное, вешее
С розоватою трещиной не сладит никак.
Если бы знать, куда ведет эта трещина...

Три маленьких элегии

1

Замыты лица перегном сумерек,
Тех винных, ласковых, тех в чем-то виноватых.
Не сведущих, чьи родственники умерли
За Охтинского моста шубой ватною.

Друзья мои! Мы слишком быстро выросли
Из дач оладьевых, из вязаных кольчуг.
Из вас из всех один лишь я чернилами
Все время балуюсь, поблажки не ищу.

Не знали мы, как пачкаются прозвища,
Как одуванчик выжелтив лицо.
Из вас из всех лишь я пустился в розыски
Моей страны. Со всех ее концов!

2

Я не имею права. Отнято внезапно

Иль от рождения, но я уже не враль!
Прошел февраль в чернильных теплых пятнах.
И сердце выбежало: Нет знакомых. Жаль!

Повествование – прием довольно скучный,
Зато петляющий, чтоб истину сберечь.
Я брошен в жизнь – и это тем и лучше,
Что в жизнь, что некогда извлечь из жизни речь.

И я готов учиться чистой речи,
Прямой у веточек и косвенной у птиц,
Чистописанью и чистосердечью,
Чистопроходству женских лиц.

3

Посредине, где лес – плачевня
И где простыни сушит простор,
Нащербетавшаяся привереда,
Ждет природа своих сестер.

Это тьма отдает на вырост
Нам оставшиеся две ветлы,
Превращая их ночью в сирот,
Ничего не постигших в любви.

Коридор обрастает веткой
И уже тяжелей дышать.
Хорошо, когда жирно, мелко
В ночь вщебетана благодать.

«Больно стискивать руку – хуже́й: человека...»

Больно стискивать руку – хуже́й: человека
А всего безобидней всю жизнь
Раскрывать, раскрывать до последнего вздоха
Рот, глаза и объятья всему, чем ты жив.

«Мы с дедушкой часто гуляли вдоль кресел...»

Мы с дедушкой часто гуляли вдоль кресел,
На темную зиму одетых в чехлы —
Сугробов в Таврическом. Мир мало весил
И, кажется, мы себя тихо вели.

С чего нам шуметь? Жизни два средоточья —
Я – что еще не, ну а дедушка – что уже все.
Как будто бы света длина здесь ходила в обносках ночи.
И пуншем, и бронзой, и теплым цукатом обложенный сон.

Мы позже узнали, что здесь в исчисленьи
Каком-то двадцатом Потемкин бывал,
Что он не любил страшно это строенье:
Подачку царицы – и с кресел чехлов не снимал.

«Не надо желать лихолетья...»

Не надо желать лихолетья.
Фонтанка, как рифма, стара,
У Анны и Симеона
На службе давно не была.

Там дальше Литейный
И ей для чего-то нужна
Улица имени этого
Салтыкова и Щедрина.

День пятый. Раннее утро. Узоры прошлого

Прощание с тем веком

Прости, нет, лучше отпусти.
Мой век, мой страх не мною вымышлен.
Здесь не в чести сердечный стыд,
Что третьей был главою выношен,

Над коей сто уж с лишним лет,
Глядясь и пристально и врыдчиво
В судьбу Татьянину, – поэт
Не разогнется неусидчиво.

И город не взметнет метель
Над умирающим Акакием.
Отсель она шинель, оттель —
Все то, что Гоголем наплакано.

И, зная, напрасно, возвратясь
С обедни, вдоль столов обеденных,
Здесь Достоевский шел, крестясь,
А то и морщась привередливо.

И комнатам, как тактам внять,
И разыскать слепую копию,
Чтоб, с ней обнявшись, умирать.
И подоконник тих, как подлинник.

И только женские глаза
Проснулись, выплакали, вспухли
На мылом страха выскобленный зал,
На пышную, как осень – трусость.

Не дует здесь ничем. Ничто
Мне забирается в печенки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.